

Отсталость в военном деле византийцы почувствовали в своих итальянских владениях уже в IX в. Катастрофическое отставание византийской армии от западных рыцарских дружин византийцы признали уже в XII в., особенно при Мануиле Комнине, который понимал, что византийцы не выдержат борьбы против объединенных западных рыцарей. Это определило поворот к «западнической» политике. В Византии стали вводить западные обычаи, ценить европейских авантюристов, привлекаемых на военную службу и к тому же использовавшихся для подавления народных масс. Континентальная борьба за расширение границ, т. е. за создание крупных владений магнатов, с конца X в. и в первой половине XI в. отвлекла внимание от постройки флота. Отставание же в морском деле привело к тому, что Византия начала утрачивать свою важнейшую роль посредника между Востоком и Западом — эта функция перешла к итальянцам.

При изучении причин отставания Византии следует остановиться и на внешних факторах.

Характерной чертой византийской истории была внезапность наиболее опасных войн, связанных с появлением новых племен. Феодалные, локальные войны в Европе не грозили полным уничтожением населения — менялись лишь владельцы замков и личности сеньоров, а иногда (как в войнах Англии и Франции) только верховный сеньор. К гибели культуры или крутой ломке общественного строя такие войны не вели.

Совсем иначе обстояло дело в Византии, которой грозили внешние враги с севера и особенно с востока. На смену арабам пришли турки, сельджуки и османы. Их нашествия грозили самому существованию византийского государства, они несли с собой истребление мужского населения, порабощение женщин и детей, коренные этнические перемены. В Византии такая угроза существовала с конца IV в. до второй трети V в. включительно, с VII до середины VIII в., с середины XI в. до конца империи. Иными словами, Византия нуждалась постоянно в развитии военной экономики, тогда как на Западе таких нашествий племен начиная с середины VIII в. не было (за исключением восточной части Западной Европы, куда вторгались венгры и татаро-монголы). Понятно, что в подобных условиях в Византии существовал все время повышенный налог, возникали трудности в организации товарного обращения, разорялось крестьянство, да и господствующий класс так или иначе ощущал на себе тяготы этой военной экономики.

Манцикерт стал настоящей трагедией для Византии. Это внешнеполитическое событие сыграло решающую роль и для внутренней истории, совершенно изменив соотношение сил между классами; более сильное свободное крестьянство Малой Азии было ослаблено отторжением от Византии восточной части полуострова. Торговые пути с Востоком пришли в упадок. Закавказье было потеряно. Византия стала при Комнинах греко-славянским государством, а не греко-кавказским.

После Манцикерта не менее роковым для дальнейших судеб Византии стал май 1082 г., когда император Алексей Комнин купил венецианскую помощь в ущерб византийскому ремеслу и торговле. Даровав Италии беспрецедентные в истории Византии привилегии иностранцам, империя стала своего рода хинтерландом Италии. Укрепление связей с итальянскими городами, безусловно, оживило сбыт туда византийского сырья. Это было выгодно земледельцам и компрадорской прослойке городов, оживившейся в XII в. Но при этом утрачивалась самостоятельность в сфере производства, которое в основном переходит в руки венецианцев и генуэзцев. Существовавшее в Византии регулирование ремесленного производства и торговли было выгодно корпорациям: оно давало им монополию в том или ином виде производства, привилегии в отношениях с иностранцами. Подъем экономики провинциальных горо-